

НЕОФИЦАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПАМЯТИ О. В. ДУБАСОВА.

19-го іюня послѣ продолжительной тяжелой болѣзни скончался адмиралъ Ѳедоръ Васильевичъ Дубасовъ,—умеръ одинъ изъ выдающихся моряковъ, имя котораго чтилось въ русскомъ флотѣ, начиная съ турецкой войны 1877—78 гг.

Адмиралъ родился въ 1845 г. и по окончаніи морского корпуса былъ произведенъ въ 1863 г. въ гардемарины, совершилъ кругосвѣтное плаваніе, по окончаніи котораго поступилъ въ Морскую Академію и успѣшно окончилъ ее въ 1870 г. Состоя въ гвардейскомъ экипажѣ Ѳедоръ Васильевичъ, въ чинѣ лейтенанта, командированъ былъ передъ войной 1877 г. въ Кишиневъ, гдѣ получилъ въ командованіе миноносный катеръ «Цесаревичъ», зачисленный въ черноморскій отрядъ Дунайской флотиліи—такимъ образомъ Ѳедору Васильевичу пришлось дѣйствовать на нижнемъ Дунаѣ.

Постановка минныхъ загражденій въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная, обезпечившаго переправу черезъ захваченный русскими Барабанскій мостъ, атака и взрывъ турецкаго броненосца «Сейфа», постановка загражденій у Гирсова, въ верховьяхъ Мачинскаго рукава, демонстрація къ Мачину на румынской лодкѣ «В. Кн. Николай» при переправѣ русскаго отряда у Галаца, смѣлые поиски на Дунаѣ изъ Черноводъ, рекогносцировка 24-го августа 1877 г. въ Каларашъ, наконецъ, посылка брандеровъ къ Силистріи—вотъ въ самыхъ краткихъ словахъ рядъ боевыхъ подвиговъ покойнаго адмирала, доставившихъ ему, тогда еще молодому лейтенанту, міровую славу, и высшую воинскую награду—орденъ Св. Георгія 4 ст.

Кромѣ этой высокой награды Ѳедоръ Васильевичъ произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты, получилъ орденъ Св. Владиміра 4 ст. съ мечами и золотое оружіе. Послѣ войны покойный былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и за-

нималъ должность отряднаго начальника миноносокъ гвардейскаго экипажа, командовалъ практическимъ отрядомъ миноносокъ, а съ 1883—85 гг. крейсеромъ «Африка»; въ 1887 г., произведенъ въ капитаны 1-го ранга, и послѣдовательно занималъ должности командировъ «Свѣтланы», съ 1888—91 гг. фрегата «Владимиръ Мономахъ», на которомъ конвоировалъ на Востокъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора, затѣмъ командовалъ кораблемъ «Петръ Великій», и батареей «Не тронь меня». Въ 1893 г. Феодоръ Васильевичъ произведенъ былъ въ контръ-адмиралы, и въ 1898 г. сначала какъ младшій флагманъ, а позднѣе какъ старшій, командовалъ эскадрой Тихаго океана; на этомъ посту онъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы.

Во времени командованія адмираломъ Тихоокеанской эскадрой относится занятіе Россіей Квантунскаго полуострова: произведено это было по предписанію изъ Петербурга. Самъ Начальникъ эскадры—О. В. Дубасовъ—былъ принципиально противъ этого занятія; онъ только что ознакомился съ положеніемъ дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ и послѣ занятія Германией въ ноябрѣ 1897 г. порта Кіао-Чау предлагалъ занять островъ Каргодо съ портомъ Мозампо.

Какъ извѣстно, архипелагъ этихъ острововъ лежитъ недалеко отъ о-ва Цусима, который намѣтилъ какъ базу и даже занялъ въ 1861 г. другой русскій выдающійся адмиралъ И. О. Лихачевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что О. В. Дубасовъ, глубоко уважавшій названнаго выше дѣятеля и прекрасно сознававшій выдающіяся военныя способности послѣдняго, хотѣлъ исправить ошибку, совершенную въ 1861 г.: правительство не поддержало инициативы адмирала Лихачева и ему пришлось оставить островъ Цусиму.

«Занятіе архипелага Каргодо съ портомъ Мозампо, только что мною подробно осмотрѣннымъ, вполне разрѣшаетъ вопросъ стратегическаго упроченія нашего на берегахъ Восточнаго океана, давая намъ базу, господствующую надъ сообщеніемъ Кореи съ Сѣвернымъ Китаемъ и Японіей»—вотъ что писалъ адмиралъ Дубасовъ въ Петербургъ; «могъ бы занять базу и удержать, минировавъ второстепенные проходы

занимая эскадрою главные», прибавлялъ онъ въ своемъ донесеніи.

Въ отвѣтъ пришло предписаніе занять Артуръ, и адмиралу, скрѣпя сердце, пришлось дать приказаніе адмиралу Реуну идти къ Квантуну; въ предписаніи Оедора Васильевича предусмтрѣнь случай столкновенія съ англичанами (предполагалось что Англія имѣеть виды на Артуръ): отрядному начальнику предписано было въ случаѣ оскорбительныхъ для нашего достоинства и чести дѣйствій англичанъ—«дѣйствовать, защищая эту честь, какъ повелѣваетъ присяга».

Въ послѣдующихъ своихъ донесеніяхъ адмиралъ указывалъ на приготовленія къ войнѣ Японіи—«страна дѣятельно и настойчиво готовится къ ней и въ виду этого мы, по моему убѣжденію, не можемъ связывать себѣ руки въ дѣйствіяхъ, которыя прямо необходимы, чтобы не быть застигнутыми въ беспомощномъ состояніи. Объ этомъ, я не могу и не долженъ умалчивать передъ моимъ начальствомъ прямо по долгу присяги»; затѣмъ адмиралъ указывалъ на нераціональность занятія Артура въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «мы вступаемъ уже на такой путь съ котораго нѣтъ поворота... Я не хочу быть пророкомъ, но думаю, что это неизбѣжно вовлечетъ насъ въ большія затрудненія»; наконецъ, осмотрѣвъ Квантунъ, адмиралъ писалъ въ Петербургъ: «что Портъ-Артуръ и Талиенванъ нераздѣльно связаны между собою и, чтобы сохранить за Артуромъ его стратегическое значеніе, необходимо рѣшиться почти удвоить вышеуказанныя затраты, широко распространивъ ихъ на Талиенванъ».

Таковы были взгляды покойнаго адмирала—насколько они были здравы и предусматривали грядущее, можемъ судить теперь и мы.

Въ 1901 г. Оедоръ Васильевичъ былъ назначенъ председателемъ Морского Техническаго Комитета, на каковомъ посту оставался по 1905 г.; въ печальной войнѣ 1904—05 гг. адмиралъ не принималъ непосредственнаго участія, но косвенныя заслуги его были громадны—въ 1904 г. онъ былъ командированъ въ Парижъ въ качествѣ делегата въ международную слѣдственную комиссію по разбору Гуллскаго инцидента, и

только ему обязанъ личный составъ флота, что комиссія вынесла заключеніе, не оскорбительное для русскаго имени; за участіе въ этомъ дѣлѣ и успѣшность его адмиралъ пожалованъ былъ званіемъ генераль-адъютанта. При обсужденіяхъ вопроса о заключеніи мира адмиралъ настаивалъ на продолженіи войны—онъ ясно сознавалъ, что поставившая на карту все свое существованіе маленькая Японія не сможетъ долго выдержать такого напряженія.

Въ 1905 г. адмиралъ, какъ генераль-адъютантъ, командированъ во внутреннія губерніи для подавленія безпорядковъ, а въ ноябрѣ призывается на постъ Московскаго генераль-губернатора; къ этому времени относится извѣстное подавленіе имъ декабрьскаго возстанія. За эту дѣятельность адмиралъ подвергся покушенію: брошенная бомба убила его адъютанта, а самому генераль-губернатору раздробила ступню; другое покушеніе произведено было въ Петербургѣ, уже послѣ оставленія адмираломъ административнаго поста.

Въ 1906 г. Оедоръ Васильевичъ произведенъ былъ въ адмирала и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а затѣмъ состоялъ и постояннымъ членомъ Совѣта государственной обороны. На всѣхъ этихъ постахъ адмиралъ сохранялъ неизмѣнную твердость характера и прямоту, которыя служили отличительными чертами этого выдающагося дѣятеля.

Не разъ приходилось адмиралу, до достиженія высшихъ должностей, терпѣть непріятности именно изъ за этихъ своихъ качествъ; въ 1887 г. Оедору Васильевичу, тогда еще капитану 1-го ранга, было сказано, что онъ принадлежитъ къ числу «вредныхъ» офицеровъ, а между тѣмъ по словамъ Оедора Васильевича, онъ былъ виновенъ «лишь тѣмъ что не совсѣмъ похожъ на другихъ».

А не похожъ онъ на другихъ былъ тѣмъ, что видѣлъ то направленіе, которое принято было во флотѣ въ восьмидесятыхъ годахъ, ясно сознавалъ, что къ хорошему оно привести не можетъ, и не желалъ идти по его теченію. Мысли этого замѣчательнаго человѣка хорошо обрисовываютъ его образъ—борца—въ перепискѣ съ отставнымъ вице-адмираломъ—Ива-

номъ Оедоровичемъ Лихачевымъ, выдающимся морякомъ и несомнѣнно большимъ военнымъ умомъ.

Послѣдній былъ уволенъ въ отставку въ 1883 г. и Оедоръ Васильевичъ, глубоко огорченный и пораженный этимъ, написалъ адмиралу письмо: «Въ 1882 г., въ Парижѣ, я имѣлъ большое счастье не только познакомиться съ Вами, но отчасти и заниматься подъ Вашимъ руководствомъ; въ это краткое время я сдѣлалъ въ своей жизни большое приобрѣтеніе: въ лицѣ Вашемъ я нашелъ живой примѣръ той горячей любви и высоконравственнаго отношенія къ избранному дѣлу, которыя такъ рѣдки въ наше время, и которыя должны быть такъ цѣнны нашему дорогому, но расшатанному флоту.—Въ этомъ великомъ примѣрѣ, для насъ сильныхъ однимъ желаніемъ быть полезными, но слабыхъ знаніемъ, опытностью, и главное твердостью духа, заключается лучшая нравственная школа и та необходимая нравственная поддержка безъ которой гибнетъ столько полезныхъ силъ; Вы были для флота въ полномъ значеніи этихъ понятій и тѣмъ и другимъ, и лишаясь Васъ, флотъ понесетъ тяжелый ударъ и невознаградимую утрату.—Я позволю себѣ прибавить, что ударъ этотъ почувствуется всѣми знавшими Васъ тѣмъ сильнѣе, что въ числѣ причинъ удаленія Вашего отъ дѣла, которому вы столько отдали, встревоженному чувству представляется не одна лишь болѣзнь, но и другіе мотивы».

Въ 1887 г. Оедоръ Васильевичъ благодаритъ адмирала отъ всего сердца за письмо, «полное для меня самыхъ дорогихъ, самыхъ поучительныхъ указаній».

«Вы теперь освѣтили мнѣ вопросъ, пишетъ онъ далѣе, съ такою ясностью, что послѣднія сомнѣнія мои разсѣяны; въ единомысліи же моемъ съ Вами, по отношенію принципиальнаго вопроса, и въ возможности идти по пути Вами такъ твердо проложенному, я нахожу для себя источникъ такой счастливой гордости и сознательной увѣренности, что,—если не осуществленіе идеи, то ея близкое торжество, представляется мнѣ несомнѣннымъ».

Въ томъ же письмѣ Оедоръ Васильевичъ пишетъ о главномъ злѣ, господствующемъ въ личномъ составѣ—о полномъ

безразличіи общества: «Надо замѣтить, что самымъ безотраднымъ образомъ дѣйствуетъ во всемъ этомъ не столько сопротивленіе, которое всегда предпочтительно, потому что его можно въ концѣ концовъ сломить,—сколько полное и невѣжественное безразличіе, за которымъ кроется лѣнь и отсутствіе всякихъ высшихъ интересовъ.—Передъ этимъ чудовищемъ, которое одной ногой стоитъ въ совершенно еще первобытномъ хаосѣ, даже и самому храброму приходится останавливаться иногда въ беспомощномъ состояніи; а чудовище это, въ нашей русской жизни, къ сожалѣнію выглядываетъ на Вася почти изо всѣхъ угловъ.—Съ горечью приходится думать, что самая большая заслуга нашего времени должна исчерпываться кажется тѣмъ, чтобы не дать только поглотить себя этому чудовищу;—заставить же его отступить передъ собою, суждено повидимому не намъ.—Такими горькими думами приходится заканчивать каждый прожитый день работы и борьбы, и если бы необъятный Божій міръ замкнулся въ узкія рамки только этихъ преходящихъ интересовъ, то не стоило бы и жить въ немъ.—Къ счастью, внѣ этого, жизнь даетъ другія радости, и такія которыхъ ни отнять отъ насъ, ни осквернить, никакая человѣческая власть не можетъ, а въ этомъ то источникѣ, который человѣкъ носитъ въ своемъ сердцѣ,—и обновляются силы наши для новой борьбы».

Въ краткой замѣткѣ, посвященной памяти адмирала, конечно, нельзя полностью начертать его образъ, но, думается, что этихъ небольшихъ выдержекъ изъ писемъ къ старику Лихачеву, достаточно, чтобы уяснить себѣ, что за человѣкъ былъ Федоръ Васильевичъ, по какому направленію онъ шелъ, чего онъ добивался.

Къ сожалѣнію ему не удалось осуществить многого изъ того, что онъ хотѣлъ, что онъ считалъ необходимымъ для блага Родины—одной изъ такихъ неосуществленныхъ задачъ было занятіе Мозамбо, которымъ адмиралъ, слѣдуя завѣтамъ Лихачева, хотѣлъ поправить наше незавидное стратегическое положеніе на берегахъ Тихаго океана при рѣшеніи Корейскаго вопроса—однако ходъ историческихъ событій послѣдняго времени бли-

стательно доказаль, что мысли адмирала были вѣрны и ошибалась противная сторона.

Теперь Оедоръ Васильевичъ умеръ и оцѣнка его жизни принадлежитъ исторіи, которая, конечно, не обойдетъ молчаніемъ дѣятельности этого выдающагося государственнаго чело-вѣка и моряка; и можно съ увѣренностью сказать, что особенно дорогъ будетъ его образъ той части личнаго состава, которая понимаетъ, какъ и покойный адмиралъ, что главнѣйшее зло настоящей жизни—«полное и невѣжественное безразличіе», чудовище, передъ которымъ «даже и самому храброму приходится останавливаться иногда въ безпомощномъ отчаяніи», и эта часть личнаго состава, конечно, найдетъ въ дѣятельности почившаго адмирала не одинъ свѣтлый примѣръ для борьбы съ этимъ чудовищемъ и заставить его, наконецъ, «отступить передъ собою».

Таково значеніе Оедора Васильевича Дубасова для настоящаго личнаго состава флота, и его образъ, конечно, займетъ достойное своей дѣятельности мѣсто въ исторіи флота послѣдняго времени, рядомъ съ незабвенными образами адмираловъ Г. И. Бутакова, С. О. Макарова и славнаго учителя почившаго—И. О. Лихачева.

К. Ж.
